

Сказки для всех

«...Это все – чистое надувательство с моей стороны, беззащитный обман финской и русской публики. На самом деле, я, как и любой другой художник, работаю совершенно эгоистически - для себя. Так получилось: то, что годится для меня, годится и для детей. (...) Но я считаю, что нет особого искусства «для детей», как и литературы «для детей» нет. Если что-то хорошее делается для детей, оно и взрослым годится. Так и то, что я делаю, годится взрослым – но не всяким, а тем, которые детских свойств не утратили, - отвечает художник Александр Райхштейн на предположение о том, что проекты создания интерактивной детской игровой среды (ну и фраза, в самом-то деле!) являются делом его жизни.

Радостное сияние детских мордашек на выставках Александра неизменно ставит серьезных критиков в тупик. Искусствоведческие термины к его работам не приложимы. Ну какой, простите за выражение, «дискурс» может быть у здорового высланного фетром Гнезда, которое свито из стволов рябины неизвестной птицей, хранит в себе большое говорящее яйцо, и в том яйце прячется – нет, не «кащеева смерть», а маленькое любопытное говорящее (!) существо? А у Замка, где девочки могут наряжаться в кринолины и короны, став принцессами? И покрасоваться перед мальчишками? У Деревя, на котором увядают и снова вызревают арбуз, кукуруза, дыня, морковка? У спящей великанши Матери-Земли, с головой укрытой лоскутным одеялом, на котором легко узнаются поля, реки, леса, и по которому разбросаны маленькие домики? А у «страшилок», которые внезапно вылезают перед вами из стены? А у серых, так похожих на камень, но легких обломков, из которых можно сложить... кентавра или сфинкса в «натуральную» величину (а можно и самого обычного льва, если зоология интереснее мифологии)? Здесь, скорее, впору говорить о волшебстве, чем о «дискурсе». Александр словно распахивает ворота в мир, живущий по сказочным законам, а каждый ребенок, кому доведется возвести кентавра или сирену, сделать книксен, изящно подобрав подол розового кринолина, шарахнуть в темноте от «красной, красной руки» или исследовать Мать-Землю, найдет здесь свою сказку.

Получается, что художник Александр Райхштейн на самом деле – сказочник? Наверное, да. Во всяком случае, как и многие другие сказочники, он стал придумывать затеи для детей, глядя на собственных дочек (а начинал он, выпускник Полиграфического института, с оформления серьезных классических изданий). И сейчас опасно шутит, что, вот, младшая вырастет, и, может, все на том закончится? Хотя вряд ли: в Финляндии его «затеи», как он сам называет свои проекты, очень любимы и популярны – они идут нахрап в музеях и детских центрах. Всего разных выставок в Финляндии было сделано столько, что их перечень занимает три страницы очень мелким шрифтом.

А началось все в 1991 году, когда жену Александра Екатерину Протасову пригласили на полгода поработать в хельсинский детский сад «Калинка», чтобы наладить там двуязычный воспитательный процесс. Работа пошла, полгода превратились в год, год – в полтора, полтора растянулись на два... В Финляндии начинался экономический кризис, сотрудничество с издательствами было нечастым и неденежным, к тому же, очень опосредованным: прежде, чем попасть к маленькому читателю, книга проходила через редакторов, литработников, менеджеров. Но жизнь в России в те времена была уже совсем... ненадежной. Еще до отъезда Александр попробовал своеобразную технику иллюстрации детских книг: сперва из различных материалов собиралась объемная композиция, а потом она фотографировалась. Те книги остались неизданными, но сама идея особого мира, где детям было бы уютно и интересно, прижилась: первый выставочный проект 1992 года был как раз посвящен «страшилкам», вылезающим из стены. В те же годы Александр сотрудничал и с «Калинкой». Он появлялся там по средам, и придумывал вместе с детьми те самые «затеи» - они разрисовывали друг друга (однажды вышел конфуз – синяя краска

решила не отмываться, и какое-то время дети жили в состоянии пятнистости) и дедали вместе разные огромные штуки. Масштабность была важна чрезвычайно: чем меньше ростом художник, тем больший восторг вызывала величина совместного произведения. Противные слова «я не умею» и «у меня не получится» были отменены. Получилось у всех – было бы желание попробовать. Как сейчас говорит Александр, это больше всего походило на стиль воспитания, который возник вскоре после Второй Мировой войны в детских садиках области Реджиа Эмилия на севере Италии. Его основоположник Лорис Малагуцци говорил, что каждый ребенок имеет право на «сумасшедшего дядюшку», если не собственного, то общего (сюда прямо просится замечательное слово «всехный» пойманное в свое время К. Чуковским и увековеченное в книге «От двух до пяти»). Александр был «всехным сумасшедшим дядюшкой», выдумщиком и сказочником. Одновременно он... учился у детей финскому языку: дети не придают значения ни чужим ошибкам, ни собственным – если им, конечно, интересно, то, чем они занимаются. Взрослого в чужой стране тоже можно сравнить с ребенком, который оказался в незнакомом месте. Но если дети обычно принимаются за изучение окружающего мира, кто – осторожно, исподволь, потихоньку, а кто – уверенно, мол, «я сам!», то взрослых чаще всего охватывает паника. Они давно забыли волшебное слово «я сам!» и боятся совершить ошибку. И совершенно напрасно.

С годами Александр все больше обрастал задумками, затеями, проектами и единомышленниками, а также плодами своего творчества – подчас весьма объемными и тяжеловесными. Поэтому в какой-то момент, когда возникла была возможность вернуться в Москву (и семья уже буквально сидела на чемоданах), именно он предложил пожить в Финляндии еще какое-то время, хотя проектная работа – отнюдь не золотое дно. Иллюстрацию он тоже не бросал – помимо финских издателей, сотрудничал с издательствами в разных странах. В 1997 году ему и Алексису Коуросу, двум «новым финнам» (впрочем, в те времена это понятие еще не ввели в обиход) присудили престижную литературную премию Финляндия-Юниор за книгу «Дети Гондваны». Тогда, ровно 10 лет назад, награда стала поводом для публикации большого интервью А. Райхштейна в самом первом номере газеты «Спектр», который вышел в 1998 году. К самой награде (тогда ее вручали впервые) художник отнесся, если так можно сказать, взвешенно: премия вызвала споры финских критиков, потому что на нее номинировали несопоставимые по содержанию книги – и «малышки» с картинками, и романы для подростков. В 1999 году нашего героя нашла другая награда – медаль Топелиуса за выставочный проект «Перинный остров», созданный как раз по мотивам произведений финского сказочника.

Проекты, проекты, проекты... Многие жалуются на то, что жизнь утратила былую определенность, нет «работы», а только «проекты» на год, полтора, много – на два. Александр таких жалоб не понимает. Для него «проекты» означают уверенность в том, что скучно не будет: новая затея – новые люди, новые материалы, новые впечатления. Всех участников надо зажечь, увлечь, заманить в игру – здесь коллеги и помощники ничем не отличаются от детей. Например, когда шили лоскутное одеяло с полями и огородами для Матери-Земли, отдельные полотнища надо было состыковать вручную, и сотнями лоскутков закрыть швы. Кто мог бы взяться за эту работу? Нашлись желающие – тетушки из общества любителей лоскутного шитья (есть в Финляндии и такое). В мастерской был устроен настоящий двухдневный субботник с угощением. За сложную работу тетушки-лоскутницы не взяли ни пенни – но они могли по праву гордиться участием у художественного проекта: фотографии их работы были опубликованы в Сети, попали в «лоскутный» журнал, а фамилии мастериц были упомянуты в каталоге выставки. Затеи Александра Райхштейна становятся все более сложными: ведь экспонаты детской выставки, чтобы их можно было трогать и изучать, обязаны быть совершенно безопасными и прочными. И вот его ближайший помощник, инженер из Института дизайна Мартин Хакенберг проектирует крепкую основу для огромного Гнезда и непробиваемую скорлупу для говорящего яйца. Он

же придумал, как придать прочность «камням», из которых можно собирать мифологических чудовищ. С Александром сотрудничали швеи, композиторы, программисты, садовники, педагоги и, разумеется, другие художники. Подчас он испытывал чувство растерянности: а какова же его собственная роль во всем этом сотворчестве разных людей?

А очень простая. Он играет с ними в сказку. Пусть даже ее и называют «взрослым» словом «проект».

Полина Копылова